

реализовать социальный заказ политического хозяина. По первому впечатлению, роман Перошона — роман «человечный» вообще, продиктованный автору его сочувствием к страждущим и угнетенным. Политики как бы нет в этом романе. Но это отсутствие политики — только ширма, которая скрывает от глаз неопытного читателя подлинное существо романа. Средство патентованное: неощутимо для пролетария-читателя в его сознание проникают буржуазные идеи. Ему внушают уважение к эксплуатации оптом против эксплуатации в розницу, ему рекомендуют, в качестве радикального средства против нужды, плодить детей, воспитывать их в нищете и голоде с тем, чтобы, через эксплуатацию детского труда, осуществляемую внутри семьи, притти к более чем проблематическому благополучию, демонстрируемому в романе судьбой Мофре, а в жизни — фактами аграрного и промышленного кризиса.

Такова буржуазная литературная рецептура; живописать действительность в тоне благородного «сочувствия» страдающим, «протестовать» против нужды во имя широко толкуемой человечности, вмещающей на равной ноге батраков и их хозяев, — и тщательно отводить удар от подлинного героя и виновника зла, от финансового капитала, властителя капиталистического мира, поставщика пролетарских житейских драм.

Она уже износилась, эта буржуазная человечность. Терминология Великой французской революции устарела. Третье сословие расчленилось на буржуазию и пролетариат. Есть ныне только одна подлинная человечность — та, что ежедневно бросает в массы лозунги пролетарской борьбы, готовя массы к решительным боям. И мы стоим за нее — за подлинную большевистскую «Юманите», не предоставляющую страниц буржуазной пропаганде.

Р. Бегак

„ребенок родился“ чарльза изля гаррисона¹

Чарльз Мэль Гаррисон — молодой талантливый американский писатель, один из группы писателей-попутчиков, объединившихся вокруг органа революционного литературного движения САСШ «Нью мессес».

К революции, к пролетариату Гаррисон приходит из лагеря радикальной мелкой буржуазии, из той лучшей части американской интеллигенции, которая встала на позиции резкой критики капитализма и связала свои творческие пути с единственно революционным классом — пролетариатом. Гаррисон — член ньюйоркского клуба им. Джона Рида, член американской секции МОРП. Тема его второй книги «Ребенок родился» — история семьи рабочего Робертса, путь дочери Робертса Мириам к проституции, сына Артура к исправительному дому. Действие протекает в период мировой войны в рабочем квартале ньюйоркского предместья Ред Хуке. Проституция, преступление, война, стачечная борьба

американского пролетариата — основные компоненты книги. Перед писателем большие социальные явления, но Гаррисон с этой тематикой не справляется, он не умеет взять действительность во всей сложности ее взаимосвязи, он разрывает эти связи, на первый план выдвигает единичное, случайное, не умеет видеть закономерности, движущие социальной жизнью.

Джошуа Харкелу, филантропу и владельцу магазина, опрос показался обидным.

Спрашивающий прижал его к стенке и сказал оскорбительным, возбужденным голосом:

М-р Харкель, как вы полагаете, ваши продавщицы могут жить на двенадцать долларов в неделю?

Филантроп холодно посмотрел на него и сказал:

— Они работают на меня только днем.

Проституция правильно понимается здесь как неизбежное следствие капиталистических условий труда, как одна из сторон капиталистической системы. В своей последней книге «Клэрэнс Дэрроу» (Clarence Darrow), биографии известного американского либерального адвоката и гуманиста, Гаррисон говорит:

Когда Стэндарт Ойл Компани повышает цену на керосин, я знаю, что известное количество девушек, зарабатывающих себе на жизнь шитьем и работающих на других в долгие ночные часы, будут вынуждены пойти на улицу и заняться другой профессией, и я знаю, что за это несут ответственность м-р Рокфеллер и его сподвижники, а не бедные девушки в тюрьмах.

Воплотив в художественные образы эти положения, писатель мог бы отразить данное явление во всей его полноте, мог бы сделать книгу обвинительным актом против капитализма.

Но, вместо того чтобы показать социальную обусловленность проституции при капитализме, Гаррисон в раскрытии образа Мириам становится на ложную дорогу. Он выбирает исключительную ситуацию: девочка отдается старику-лавочнику за конфеты, что не дает ему возможности раскрыть явление в его типическом, закрывает путь к обобщению. Гаррисон наделяет Мириам чертами бунтарства и создает часто встречающийся в мелкобуржуазной литературе романтический образ проститутки. В основе этого «бунта», приводящего Мириам к проституции, лежат чисто биологические причины.

— Маргарет была испугана буйной копной рыжих волос Мириам и ее пристальным напряженным взглядом. Кончики развивающихся грудей Мириам робко выдавались из-под ее тонких ситцевых платьев. В походке девочки была развязность, которая беспокоила мать. Даже тяжелая рука отца не могла подавить пылающей мятежности Мириам.

Если быть последовательным, то очевидно, по Гаррисону, и под сенью коммунистического общества будет мирно процветать проституция! Разве при коммунизме у девушек не будет сверкающих рыжих волос, и разве

¹ Charles Jale Harrison „A child is born“ by. 132

они не будут любить конфеты? Писатель усиленно подчеркивает контраст между привлекательной и жизнерадостной Мириам и бесцветной, скучной Глэдис, и разница их индивидуальностей мотивирует разницу в их путях. Гаррисон забывает, что наряду с цветущими Мириам сотни и тысячи бледных, хилых, некрасивых девушек захвачены щупальцами капитализма и сброшены на дно, что эстетические критерии здесь недостаточны. Такая постановка вопроса игнорирует социальные факторы и идет по линии биологии. Наличие элементов биологизма характерно для мировоззрения Гаррисона. Это сказалось в полной мере в его предыдущей книге «Генералы умирают в постели», где бунт Гаррисона против войны — это прежде всего бунт биолога, эмоции страха и ужаса на первом плане, где человек в силу биологической жажды жизни противился войне, где попытки социально осмыслить войну еще очень слабы. Биологизм — одна из черт мелкобуржуазной идеологии — говорит об упрощении явлений действительности, о растерянности перед сложностью социальных закономерностей, о неспособности вскрыть эти закономерности.

Социальные моменты в книге отступают на второй план. Гаррисон описывает стачку грузчиков (longshoremen), но классовый конфликт не приобретает для Гаррисона самодовлеющего значения. Он нужен ему в первую очередь как мотив для смерти Робертса, что соответствующим образом отражается на судьбе Артура. Гаррисон дает забастовку эмпирически, не связывая ее с классовой борьбой пролетариата в целом, не показывая ее как одно из звеньев этой борьбы. Неизвестно, почему Робертс присоединяется к стачке: никаких сдвигов в его психологии не показано. Гаррисон ограничивается лишь расплывчатым замечанием.

Первый раз Эдуард нашел интерес в жизни, помимо Маргарет, детей и кабачка. Он стал членом комитета пикетчиков.

Гаррисон правильно вскрывает роль желтого профсоюза, вставшего на сторону предпринимателей и предающего рабочих. Бастующие образуют новый союз. Но почему этот союз будет отвечать интересам рабочих, за что он борется, — читатель не знает. Оставаясь на позиции эмпиризма, Гаррисон оказывается не в силах показать движущие силы забастовки, пробуждение революционного сознания масс. Революционный пролетариат, осознающий цели борьбы, отсутствует. Рабочие у Гаррисона — раздавленные нуждой бедняки, малоспособные к протесту.

Лишь кое-где дано изображение событий в их связи с капитализмом, и протест писателя против них становится протестом против капитализма в целом. Когда бесчеловечный режим исправительного дома, возглавляемого садистом Пэрсоном, получил огласку в прессе, члены правления посетили остров, но после обследования положение воспитанников только ухудшилось. Правильно вскрыт Гаррисоном классовый характер американского суда, беспощадного к сыну рабочего, отец которого убит во время забастовки. За кражу коробки конфет мальчика приговаривают к пяти годам исправительного

дома. В изображении войны, показанной со стороны тыла, Гаррисон остается на позиции того же эмпиризма. Стараясь точно фиксировать действительность и оставаясь лишь на эмпирической поверхности явлений, Гаррисон дает неверное, искаженное представление об империалистической войне. Война дала американскому рабочему работу и повысила его жизненный уровень. Только в этом плане показывает Гаррисон отражение войны в Америке. Лозунг «Война — это «просперити» художественно оформляется на страницах романа.

Больше работы означало улучшение питания, более теплую одежду и меньшую настойчивость страхового агента...

Работа с утра до ночи; каждый день, и воскресенье тоже — это было уже кое-что.

Книга писалась в 1930 году, в момент жесточайшего кризиса, в момент, когда нависла угроза новой империалистической войны, которая на этот раз принесет американскому пролетариату нищету, голод, смерть. Относительное повышение жизненного уровня рабочего в Америке в прошлую войну, объясняется особой тактикой американского капитализма, нажившегося на войне и бросившего ряд подачек рабочему классу. Это относительное «просперити» американского рабочего класса было куплено ценою крови миллионов пролетариев на полях Европы. Гаррисон не находит слов, чтобы рассказать о целях и причинах империалистических войн, о неприемлемом расхождении интересов пролетариата и капиталистов, о средствах борьбы против войны, об интернациональной пролетарской солидарности. Пресловутый «объективизм» и эмпиризм приводят Гаррисона к искаженному и объективно вредному показу империалистической войны.

Куда шли молчаливые серые винтовки?

Для кого предназначались горы артиллерийских снарядов? Кто платил или должен был рассчитываться за это? Никто не спрашивал, никто не заботился. Женщины улыбались, дети смеялись. Это, — говорил Ред Хук, — было достаточно хорошим ответом.

Автор не добавляет никаких комментариев. Мы спрашиваем Гаррисона, почему он, в противовес обитателям Ред Хука, не разрывает дымовой завесы мелкобуржуазной идеологии в вопросах войны, идеологии, дезориентирующей сознание? Почему не позволяет авторскому «я» вмешаться в ход изображаемых событий, почему ничего не противопоставлено восприятию Ред Хука? Разве писателю, стоящему на платформе МОРПа, здесь нечего сказать? Разве не тот же Гаррисон критиковал Ремарка за отсутствие анализа и эмпиризм? И разве задачей революционного искусства не является познание действительности во всей сложности социальных закономерностей и переделки этой действительности в плане задач, стоящих перед революционным пролетариатом? В чем тут дело? В том, что Гаррисон возводит эмпиризм в основной принцип своего мировоззрения, в том, что простую констатацию явлений без их анализа он делает основой своего творческого метода.

Война окончилась. Семья Робертса празднует победу над «бошами», торжество американской демократии. Так действительно была воспринята война большинством американского пролетариата. Но она была воспринята так лишь потому, что его классовое самосознание было усыплено и отравлено услужливыми лакеями и апологетами американского капитализма. Долг революционного писателя сорвать маски со всех красноречивых защитников «цивилизации» и «культуры», вскрыть действительные причины войны, показать, против кого в империалистическую войну солдаты должны повернуть винтовки.

Интересно, что, критикуя «На западном фронте без перемен» Ремарка, Гаррисон писал:

Лучше сказать молодежи мира, почему происходят войны, а не только, как они ведутся. Лучше сказать ей о международной конкуренции за нефть, уголь, акции, рынки.

Здесь мы видим разрыв между идеологическими и творческими установками писателя, неумение претворить идеологические высказывания в творчество, которое еще в значительной мере остается на уровне мелкобуржуазного радикализма.

Гаррисон не приемлет капитализма, но протест писателя против капиталистической системы проходит еще под знаком неосознанного бунтарства. Критика Гаррисона — еще в значительной мере критика с позиций мелкобуржуазного радикализма, осуждающая капитализм в некоторых его проявлениях, но не вскрывающая капиталистическую систему в ее основных, решающих противоречиях, не намечающая путей к разрешению этих противоречий. Отсюда — бесперспективность творчества Гаррисона.

Характерен интерес Гаррисона к фигуре гуманиста Дэрроу, биографии которого посвящена его последняя книга. Нет принципиального отличия между Гаррисоном, критикующим с гуманистической точки зрения режим исправительного дома, и Диккенсом, бичевавшим уродливую систему воспитания в Англии. Эта критика с позиций мелкобуржуазного мировоззрения ограничивается лишь обличением социального зла, но не указывает способов борьбы с ним.

«Ребенок родился» кончается бегством Артура из исправительного дома во время пожара.

Он ненавидел остров, он был рад, что он горел, и смутно, неопределенно ненавидел город. Он думал о полицейских, надсмотрщиках, судье, вынесшем ему приговор; Персонс, Финк, одиночная камера, смиренные рубашки — он ненавидел их всех.

И эта ненависть давала ему силы отчаянно бороться с бурлящим потоком. Эта ненависть несла его дальше и дальше.

Эмпиризм, столь характерный для произведений Гаррисона, — болезнь, присущая многим американским радикальным писателям и попутчикам. Элементы эмпиризма мы встречаем у Сивера, Ворс и других.

Без анализа социальных явлений, без связи их со всей системой капитализма и борьбой рабочего класса невозможно создание боевых революционных произведений.

ППС, имеющий общественной идеологической базой рабочую аристократию и мелкую буржуазию, ведет работу прежде всего среди рабочего класса, представляя там интересы крупного капитала. Ее задача проникать по возможности глубже в рабочую массу, деморализовать ее изнутри. Чтобы приобрести доверие рабочей массы, с одной стороны, и не прекращать верной службы делу капитализма — с другой, она должна оперировать фразами, как будто классовыми, как будто выражающими стремление и потребности трудящейся массы, а в то же время лишая эти слова их значения. Ее цель заставить рабочего верить, что с ним говорит марксист, человек с определенной классовой установкой, и при этом сбить этого рабочего с пути марксистского мышления, на который он вступает стихийно. Класс, классовость и борьба классов, социализм, социалистическая идеология, рабочая культура и т. д. — вся эта терминология применяется таким образом, что не только теряет свое значение, а, наоборот, приобретает совершенно противоположный смысл. Разумеется, требуется много усилий, чтобы замаскировать этот маневр.

Самой собой, понятно, что такие извращения, а затем их замазывание — труд весьма неблагодарный. Возникают наиболее несоответствия, срывающие всю работу. В связи с этим ППС чувствует себя лучше всего, когда может избежать теоретических выводов и ограничиться перечислением известных терминов, трактуя их как общепонятные и под шумок подсовывая под них буржуазную идеологию. При этих условиях теоретическая литература ППС отличается исключительным убожеством. В культурно-просветительной работе ППС в общем тоже придерживается принципа, что молчание — золото. Несмотря на пятилетнее существование Общества рабочего университета, это учреждение не отважилось на обработку и опубликование мотивированной программы деятельности. Желая узнать просветительную идеологию ППС, мы должны остановиться на двух коротеньких «отчетах» ОРУ¹, изданных в 1929 и 1930 гг., и на работе австрийского социал-демократа Феликса Канитца — «Бойцы завтрашнего дня», изданной в польском переводе Главным управлением ОРУ, снабженной «Предисловием» К. Чапинского и очень расхваленной газетой «Работник».

«Привилегированное избирательное право, — пишет Канитц, — исчезло уже в большинстве стран, и путь к овладению государственной властью средствами демократии открыт. Хотя мы должны остерегаться слепой фетишизации демократии и, наоборот, понимать что буржуазия лишь до тех пор признает демократию, пока она не угрожает ее классовому превосходству, хотя мы должны знать, что демократия в настоящее время является главным образом лишь защитой буржуазии в борьбе против пролетариата, мы должны, однако, уяснить себе, что демокра-